

**Александр  
Золототрубов**



**Александр Золототрубов**

**СТАЛИНГРАД  
И КУРСК**

АСТ  
Москва

УДК 821.161.1-311.6  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
З-81

**Золототрубов, А.М.**

**З-81 Сталинград и Курск / Александр Золототрубов. — Москва: АСТ, 2015. — 960 с. — (Весь (ВСР)).**

**ISBN 978-5-17-090183-8.**

Романы Александра Золототрубова по праву считаются одними из самых лучших книг о Великой Отечественной войне. Сталинградская битва — ключевое сражение, положившее конец страшному наступлению гитлеровской машины и навсегда изменившее судьбы миллионов. Автор абсолютно точно воспроизводит ход сражения, но это не сухая хроника. Это роман о Людах, совершивших невозможное, это гимн подвигу русского народа.

Курская битва — самое масштабное танковое сражение в истории, в котором участвовали более двух миллионов человек. События на Курской дуге закрепили успех советских войск под Сталинградом и окончательно переломили ход войны.

Книги основаны на реальных событиях.

**УДК 821.161.1-311.6  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

**ISBN 978-5-17-090183-8.**

© Золототрубов А.М.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Летом 1942 г. немецкое командование приняло решение о проведении ширококомандного наступления на южном участке советско-германского фронта с целью захвата нефтяных районов Кавказа, сельскохозяйственных районов Дона и Кубани. Эта операция стала неожиданностью для советского командования, считавшего, что противник будет развивать наступление на Московском направлении. В этой ситуации немецкие войска прорвали фронт и к середине июля вышли на Дон на участках Воронеж–Клетская и Суворовская–Ростов. На 6-ю немецкую армию генерала Фридриха Паулюса было возложено развитие наступления на игравший важную стратегическую роль Сталинград, обеспечивая левый фланг ударной группировки.

В этих условиях к Сталинграду были направлены крупные силы из резерва Ставки Верховного главнокомандования, из которых для обороны города был сформирован Сталинградский фронт и начато строительство оборонительных укреплений. 17–22 июля передовые части 62-й и 64-й советских армий вели бои на реке Чир, а затем отошли на основной рубеж обороны. 23–25 июля 6-я немецкая армия перешла в наступление, прорвала оборону 62-й армии и охватила ее правый фланг, контратака 1-й и 4-й советских танковых армий смогла приостановить противника, но исправить положение не удалось. Попытки немецких войск в августе–сентябре 1942 г. разгромить советские войска и взять Сталинград штурмом были сорваны упорным сопротивлением Красной армии. 13 сентября немцы начали штурм города, борьба на улицах Сталинграда продолжалась до 2 февраля 1943 г., бои шли за каждый дом. Основными объектами

обороны стали Мамаев курган и вокзал, а также заводские поселки «Красный Октябрь» и «Баррикады». Стратегическое положение сталинградской группировки противника было крайне неудачным – в результате наступления ее фланги оказались в глубоком охвате советских войск, однако Гитлер отказался принимать меры к выравниванию линии фронта, продолжая наращивать усилия по штурму города.

В ноябре 1942 г. советское командование утвердило план операции «Уран» – окружения и уничтожения ударной группировки немецких войск под Сталинградом. Создав абсолютный перевес над противником на участках главных ударов, утром 19 ноября 1942 г. начали наступление войска Юго-Западного (командующий генерал-полковник Н.Ф. Ватутин) и Донского (командующий генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский) фронтов. В первый день наступления советские части прорвали оборону 3-й румынской армии и продвинулись на глубину 20–35 км. Два румынских корпуса были окружены в районе Распопинской и капитулировали 23 ноября. 20 ноября в наступление перешел Сталинградский фронт. 23 ноября части Сталинградского и Юго-Западного фронтов соединились в районе Советского, завершив окружение сталинградской группировки противника (около 330 тысяч человек).

Гитлер запретил 6-й армии предпринимать попытки прорыва и отдал приказ организовать ее снабжение по воздуху. Для деблокации 6-й армии была сформирована группа армий «Дон», однако ее действия не увенчались успехом и деблокировать группировку Паулюса не удалось. Советские войска предприняли ряд крупномасштабных наступлений, нанеся поражение противнику южнее и западнее Сталинграда. 23 декабря операции немецкой армии по деблокаде Сталинграда были прекращены, а советские войска начали планомерное уничтожение окруженной группировки.

8 января 1943 г. советское командование предъявило Паулюсу ультиматум, но он в соответствии с приказом Гитлера отклонил его. 10 января советские войска начали операцию «Кольцо» и к 26 января разделили окруженную группировку на две части. 31 января южная группа была ликвидирована и в плен сдался Паулюс со своим штабом. 2 февраля прекратила сопротивление северная группа. Всего в ходе Сталинградской битвы в плен попало около 91 тысячи человек (из них после окончания войны в Германию вернулось около 5 тысяч человек). Общие потери немецких и союзных им войск оцениваются в 800 тысяч человек, советские войска потеряли около 980 тысяч человек. Победа под Сталинградом положила начало коренного перелома в войне, Красная армия захватила стратегическую инициативу и удерживала ее уже до конца войны.

**Александр Золототрубов**

**СТАЛИНГРАДСКАЯ  
БИТВА**

**ЗАРЕВО НАД ВОЛГОЙ**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН**

*Матери моей,  
Марии Варфоломеевне,  
посвящаю*

## ПРОЛОГ

Дрезден, август 1954 года.

Бывший фельдмаршал Фридрих Паулюс отдыхал во дворе своей виллы, просматривая свежий номер газеты «Ди вельт». Этим утром он проснулся, едва забрезжил рассвет. Ему не спалось, как это нередко случалось под Сталинградом, когда его 6-я армия летом 1942 года вела ожесточенные бои, безуспешно пытаясь взять город на Волге, но в итоге была окружена войсками Красной армии и разгромлена. Немцы оборонялись с диким ожесточением, и он, Паулюс, несколько дней кряду не смыкал глаз. Хорошо, что возле находился начальник штаба армии генерал Вальтер Шмидт. Этот старался всячески поддержать своего шефа. «Вы поспите час-другой, а я обо всем позабочусь», — говорил Шмидт и, как обреченный сторожевой пес, нес свою вахту до конца...

Августовское солнце, однако, пекло нещадно, и терпеть жару бывшему фельдмаршалу стало невмогуту. Он свернул газету, достал из кармана кителя платок и отер вспотевшее лицо. Паулюсу не хватало воздуха, словно он сидел в нагретом танке. Боясь солнечного

удара, он заспешил в дом. Домоправительница Матильда, коренастая, с резко очерченным лицом, черными глазами и тонкими бровями, была очень привлекательна. Ее веселая и очаровательная улыбка поднимала настроение, и в такие минуты бывший фельдмаршал отпускал в ее адрес шутливые комплименты, отчего Матильда вспыхивала румянцем. Она уже кончала уборку в комнатах и, увидев раскрасневшегося хозяина, озабоченно спросила:

— Вам плохо, да?

— Жарковато во дворе, — тяжело вздохнул Паулюс, опускаясь в мягкое кресло. — Похожую жару я пережил летом сорок второго в России под недоброй памяти Сталинградом. — Он вскинул глаза на прислугу. — Матильда, плесни мне, пожалуйста, минеральной воды. В горле пересохло...

Матильда появилась на вилле Паулюса вскоре после его возвращения из Советского Союза, где после разгрома 6-й армии он был пленен и провел в качестве пленного десять лет. Домоправительница редко грустила, в ее больших глазах постоянно искрились смешинки.

— Повстречай я вас в годы учебы в Марбургском университете, непременно взял бы в жены, — сказал Паулюс после более близкого знакомства.

— Ишь чего захотели! — озорно усмехнулась Матильда. — Зато я бы за вас, Фридрих, не пошла.

— Почему? — обидчиво вымолвил Паулюс.

— Вас же исключили из университета, — уколола она его и добавила: — А к чему мне муж-неуч?

— У вас неточные сведения, Матильда! — живо возразил хозяин. — Я сам бросил университет. Почему? Потому что мечтал о военной службе. Поступил в пехотный полк и скоро получил первый офицерский чин. И, как видите, военная карьера мне удалась — стал целым фельдмаршалом! Разве это плохо? — Паулюс пристально глянул на Матильду.

«Она очень напоминает мне мою жену, — подумал он. — У нее такие же лучистые глаза, какие были у моей Елены Констанции, похожая копна черных волос на голове... Жаль, что она рано умерла. Порой у меня сердце ноет оттого, что из-за плена я не смог ее похоронить. Надо бы в субботу съездить на кладбище в Баден-Баден и положить розы на ее могилу. Она так любила розы! Возьму с собой и дочь Ольгу. Она до сих пор убивается по матери...»

Матильда наконец принесла бокал воды.

— Минералка из холодильника, так что пейте не спеша и маленькими глотками, не то еще простудитесь, — предупредила она. — Если я это допущу, то от вашего сына Эрнста получу хорошую взбучку. Он вас очень любит. Кстати, говорят, у вас был еще один сын?

— Фридрих Эфрем, в сорок четвертом погиб в Италии, — грустно промолвил Паулюс. — Оба сына были танкистами, и я этим гордился. Оба хорошо воевали, но судьба им выпала разная.

— Я вам сочувствую, — с грустью в голосе сказала Матильда. — Отец рассказывал мне, что ваша 6-я армия сражалась храбро, но взять Сталинград так и не смогла.

— Да, русские тогда преподнесли нам жестокий урок, — снова тяжело вздохнул бывший фельдмаршал. — А знаете почему? Этот город носит имя советского лидера Иосифа Сталина, и потому красноармейцы бились за город не на жизнь, а на смерть. В этом я мог лично убедиться. — После короткой паузы он добавил: — Я очень переживал за обоих сыновей, боялся, что в бою они могут погибнуть. Но, слава богу, Эрнста война пощадила.

— А он у вас пареньк смысленый и очень симпатичный, — улыбнулась Матильда.

Паулюс со значением взглянул на нее, и ей стало не по себе. Она даже смутилась, на ее тонком лице появились белесые пятна.

— Меня любил не только сын Эрнст, но и вся армия, которой я командовал, — сдержанно, но твердо произнес Паулюс. — У меня таких парней, как Эрнст, были десятки тысяч, они верили в меня, своего командующего, и я ценил их, хотя в тяжелых кровопролитных боях с русскими немало их полегло. А вот моему Эрнсту повезло, — повторил Паулюс.

— Он говорил мне, что вы спасли его — это правда? — спросила Матильда.

— Да, — подтвердил Паулюс. — Я вообще не люблю причинять людям зла, а тем более обижать своего сына. Он отличный, смелый и дерзкий танкист, лишь в одном бою подбил два русских танка. Правда, был тяжело ранен. Я позволил ему с очередным рейсом «юнкерса» улететь на лечение в Германию. Там его признали непригодным к службе, и в свою армию он не вернулся. Кстати, куда он ушел, Матильда?

Домоправительница повела плечами:

— Я не знаю, он ничего не сказал. К обеду обещал быть. А что?

Паулюс сообщил, что у него сегодня после обеда назначена встреча с известным русским генералом.

— Вчера он дважды звонил мне, и я согласился принять его у себя дома, — уточнил Паулюс.

— Зря вы это делаете, — произнесла Матильда, понизив голос. — Врач не велел вам сильно волноваться, а вы с русским генералом наверняка будете вспоминать минувшую войну. Я угадала, да?

Паулюс кивнул. Он сидел в кресле с задумчивым видом. Под правым глазом у него импульсивно вздрагивала тонкая жилка.

— Возможно, чуть-чуть поговорим о войне, — разжал губы Паулюс. — Этому человеку я не мог отказать. Тогда, в лютую зиму сорок третьего, когда моя армия капитулировала и я вместе с группой наших генералов оказался в плену, он отнесся ко мне на удивление почтительно. А в прошлом году, когда я наконец вер-

нулся из Москвы в Берлин, он встречал меня на вокзале и мы пожали друг другу руки не как бывшие враги.

— А зачем русский генерал прибыл из Москвы? — поинтересовалась Матильда.

— Он теперь командует всеми русскими оккупационными войсками, которые находятся в Германии, — пояснил Паулюс.

— Большой начальник! — улыбнулась Матильда, слегка качнув головой.

— И очень опытный вояка. Его армия обороняла тогда Сталинград, и мы так и не сумели сломить оборону русских и сбросить их в Волгу...

Их разговор прервал звук автомобильного мотора.

— Наверное, приехал ваш гость, — сказала Матильда.

Паулюс вскочил с кресла и через окно увидел, как из машины выбрался генерал армии.

— Это он, Матильда, встречай его и проводи в мой кабинет, а я мигом облачусь в военную форму, — попросил слегка растерявшийся бывший фельдмаршал.

Не успела домоправительница снять фартук, как гость уже шагнул в прихожую, поздоровавшись с женщиной по-немецки: «Гутен таг!» Она растерялась и не знала, что ему ответить. Генерал был чертовски красив: открытое волевое лицо, распахнутые лучистые глаза под черными взлохмаченными бровями. На его широкой груди поблескивали две Золотые Звезды Героя Советского Союза. Рядом с генералом стоял белобрысый капитан, его переводчик.

— Могу я видеть господина фельдмаршала, уважаемая... — Чуйков запнулся, потому что не знал, как ее назвать, но она догадалась, чего он от нее хочет.

— Я Матильда. — Она мягко улыбнулась. — Хозяин сейчас будет. Прошу вас пройти в его рабочий кабинет. Простите, как вас величать?

Переводчик перевел ее вопрос, и гость назвал себя:

— Генерал армии Чуйков Василий Иванович.

У нас с Фридрихом есть уговор встретиться у него дома, но я прибыл чуть раньше. Как он себя чувствует?

— Нормально!

Матильда проводила генерала в кабинет Паулюса.

Не успел гость осмотреться, как появился хозяин. Улыбаясь, он сказал на хорошем русском:

— Я рад принять вас у себя дома, товарищ Чуйков. Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста.

Чуйков снял фуражку и положил ее на край стола.

— Фридрих, после обеда у меня телефонные переговоры с Москвой, поэтому я пришел раньше. Вы уж, пожалуйста, не сердчайте.

— Да что вы, Василий Иванович, я так долго ждал этой встречи. — Паулюс произнес эти слова с волнением в голосе, потом сдвинул брови: — Жаль, что утром ушел по делам мой сын Эрнст, я намерен был познакомиться вас с ним. Он ведь тоже был со мной под Сталинградом в чине капитана.

— Я слышал, он был танкистом? — поинтересовался Чуйков.

— Да. — Паулюс сжал побелевшие губы, но тут же разжал их: — Я переживал, боясь, что в бою он мог погибнуть. Однажды русские артиллеристы подбили его танк, и машина загорелась. Эрнст чудом остался жив, хотя его экипаж погиб.

— Значит, не судьба была ему сложить голову на русской земле, — сочувственно промолвил Чуйков. — Кстати, как ваше здоровье, Фридрих? Может, вам нужна какая-то помощь? Не стесняйтесь, говорите все, как есть, — улыбнувшись уголками губ, добавил Василий Иванович.

— Спасибо, товарищ Чуйков, — благодарно откликнулся Паулюс. — Правительство ГДР обеспечивает меня всем, в чем я нуждаюсь. Я честно служу новой Германии...

Они беседовали, как давние друзья, доверительно говорили о том, чем сейчас живут и что их волнует.

Но нет-нет да и касались войны, тех жарких схваток, в которых сами принимали активное участие. Да, им было что сказать друг другу.

— Фридрих, вы, наверное, знали летом сорок второго года, когда подошли к Сталинграду, что одной из армий командую я? — спросил Чуйков. — Я, к примеру, знаю, как войска под вашим командованием летом сорок второго захватили Харьков. Вы взяли верх над моим старшим товарищем маршалом Тимошенко, а членом Военного совета у него был Никита Хрущев. Мы очень переживали эту трагедию. Я тогда понимал, что Паулюс стратег и он доставит Красной армии немало хлопот. Так оно и случилось.

Бывший фельдмаршал засмеялся, довольно качнул головой, но тут же его худощавое лицо посерьезнело.

— Успех под Харьковом, безусловно, порадовал меня, но и крепко подвел, — признался он. — Я уверился, что Сталинград возьму с ходу, даже самонадеянно заверил Гитлера, что пусть фюрер не сомневается в моем успехе. Но, увы, случилось фиаско: я не только не взял город, но сам попал в позорный плен. Мне было очень тяжело, но пулю себе в лоб не пустил, как того желал Гитлер. — Он с минуту помолчал. — А впервые услышал о вас как о командарме 62-й летом сорок второго года. Как это было? Если желаете, расскажу...

В бою на Мамаевом кургане немцы взяли в плен раненого капитана-танкиста, во время допроса сказавшего, что служил в 62-й армии, которой командует генерал-лейтенант Чуйков. О показаниях пленного было доложено генералу Паулюсу.

— Надо выяснить, что это за личность! — приказал командующий 6-й немецкой армией и вызвал начальника штаба армии генерала Шмидта.

Когда тот прибыл, Паулюс спросил у него, есть ли в документах штаба фотографии русских генералов, которые руководят армиями на Сталинградском фронте. Шмидт подтвердил, что имеются, но не всех.